

Хуа Чжао крепко спала в комнате, которую деревенские жители подготовили для неё со всей заботой. Дневной испуг и обида уже были нежно сглажены Цин У, её брови расслабились, и она спала спокойно и безмятежно.

Золотой Замок Богини Цветов, который она с самого детства носила на груди, по-прежнему тихонько прижимался к её сердцу.

Ближе к полуночи —

Золотой Замок внезапно легко задрожал.

Слабый-слабый прозрачно-белый свет медленно заструился по корпусу замка, становясь всё ярче и теплее.

Спавшая Хуа Чжао ничего не замечала.

В следующий миг Золотой Замок, который ещё никогда не удавалось открыть силой, издал тихий щелчок — *кань* — и полностью раскрылся сам по себе.

Свет, исходивший от замка, внезапно вспыхнул, но вовсе не резал глаза, а лишь разлился по всей маленькой комнате, словно струящееся сияние луны.

Мягкая световая нить плавно выпорхнула из Золотого Замка, легко взметнулась в воздухе и уронила лист белой бумаги, который бесшумно опустился на изголовье постели.

В то же время глубокое и непостижимое наследие техники словно весенний дождь, напоющий всё живое, напрямую отпечаталось в самых глубинах её разума.

[Хуа Чжао получила: Наследие Богини Цветов (доступно только ей)]

1. Формула Десяти Тысяч Превращений и Жизненной Силы — основная техника Богини Цветов, управляющая жизненной силой, очищением, исцелением и возрождением всего живого (более полная и мощная, чем Техника Зарождения Жизни).

2. Защитное Искусство Чашелистиков — эксклюзивное защитное искусство Богини Цветов, лепестки превращаются в щит, защищающий от любых злых духов.

3. Метод Выслеживания Духовных Тычинок — секретное искусство поиска следов, позволяющее ощущать духовные жилы, священные места и энергию демонов.

4. Очищающее Заклинание Опадающих Лепестков — успокаивает разум и укрепляет душу, разрушает иллюзии, внутренних демонов и злых духов.

[Статус техники: запечатано]

□ Будет распечатано и станет доступно для практики только после прибытия в первозданное священное место Богини Цветов.

□ В данный момент сохранились лишь воспоминания, использовать их невозможно.

Никакой резкой боли, никакого головокружения.

Она лишь почувствовала, что у неё появилась ещё одна часть воспоминаний, которые словно и

так принадлежали ей — ясные, глубокие и незабываемые на века.

Завершив всё это, Золотой Замок постепенно унял свечение, заново сомкнулся и вернул свой первоначальный простой вид, став лишь теплее прежнего и ещё сильнее переплетаясь с её кровью и плотью.

И всё это произошло в тот момент, когда она крепко спала.

Когда на краю неба забрезжил едва заметный рассветный свет, Хуа Чжао медленно проснулась.

Она потеряла глаза и, стоило ей только приподняться, как она почувствовала неладное:

в её разуме чётко прибавилось четыре раздела полноценной техники, каждое слово и каждая строка были так отчётливы, будто высечены в самой её душе.

Сердце Хуа Чжао дрогнуло, и она невольно посмотрела на изголовье.

Там тихо лежал лист белой бумаги, на котором было выведено изящное и старинное стихотворение:

Цветы пали на мир пыльный — мириады осеней,

В глубине Древнего Ручья узришь исток корней.

Облака рассеет луна, путь к истине маня,

И вернется дух в обитель древнего дня.

Почерк был чистым и изящным, а исполненный глубокого смысла образ явно намекал на местонахождение первозданного священного места Богини Цветов.

Хуа Чжао в растерянности подняла листок бумаги, её пальцы слегка дрожали.

В этот момент боковым зрением она заметила нечто на столе и резко перевела взгляд.

Неизвестно когда там появилась знакомая маленькая деревянная шкатулка, рядом с которой лежало письмо, а на месте запечатывания красовалась уникальная печать её школы.

Это наставник!

Наставник прислал ей подарок на совершеннолетие на расстоянии!

Она торопливо вскрыла письмо, и её взору предстал знакомый мягкий почерк:

Моя ученица Хуа Чжао:

На церемонию совершеннолетия наставник прибыть не смог, о чём глубоко сожалеет.

Раз Золотой Замок открылся, духовные жилы пробудились, и путь впереди постепенно проясняется.

Стихи на листе бумаги — место твоих истоков.

Техники в твоём разуме сможешь применить лишь в священном месте, не пытайся торопить

события.

Впереди много опасностей, Цин У рядом, можешь быть спокойна.

Береги себя, храни сердце и ступай не спеша.

Наставник.

Деревянная шкатулка приоткрылась, внутри лежала теплая и обладающая духовной силой Яшмовая Подвеска Чистого Духа для Защиты Сердца, лично выкованная наставником — она способна отразить три смертельные опасности, успокоить разум и укрепить душу.

Сжимая в руках письмо, нефритовую подвеску и исписанный стихами лист, Хуа Чжао почувствовала, как её глаза слегка защищало.

Золотой Замок открыт, наследие получено, а наставления учителя всё ещё звучали в ушах.

Она знала: её настоящий путь, принадлежащий только ей, с этого мгновения официально начинается.

А неподалеку за дверью, заложив руки за спину, стоял Цин У — он провёл на ногах всю ночь и так и не ушёл.

Он ощущал исходящую из комнаты мягкую божественную силу, но не потревожил её ни на шаг.

[Он лишь хотел вечно оставаться её стражем.]

Едва рассвело, утренняя заря пробилась сквозь туман древней деревни, окрасив карнизы крыш в мягкий тепло-золотой оттенок. Хуа Чжао, всё ещё переполненная ночным волнением и теплом, осторожно приотворила дверь комнаты, а край её одежды всё ещё хранил легкий аромат постельного белья.

Стоило ей поднять взгляд, как она увидела знакомую фигуру в галерее.

Цин У уже тихо ждал её, его фигура была прямой и стройной, как сосна, а просторные одежды слегка колыхались от утреннего ветерка. Он явно не сомкнул глаз всю ночь, но в глубинах его глаз не было и следа усталости — лишь в тот момент, когда он увидел её, вся холодность и настороженность полностью исчезли, а взгляд стал до того мягким, что казалось, из него вот-вот закапают слезы.

— Старший братец.

Хуа Чжао тихо позвала его и, невольно шатаясь, приблизилась. Она подняла личико и подробно, слово за словом рассказала ему всё, что произошло вчера в полночь: как Золотой Замок начал сам по себе нагреваться, как издал тихий щелчок и полностью открылся, как свет залил всю маленькую комнату, как техники отпечатались прямо в её разуме, как стихи опустились на изголовье постели, а также о письме и подарке на совершеннолетие, присланных наставником издалека.

Цин У опустил взгляд и молча слушал, не сводя с её лица глаз и не упуская ни единой мельчайшей эмоции. Услышав об открытии замка и приходе наследия, в его глазах промелькнуло понимание, но куда больше было тяжелого, глубокого спокойствия.

Маленькая девочка, которую он оберегал столько лет и носил на руках, в день своего совершеннолетия наконец по-настоящему ступила на принадлежавший ей праведный путь.

Они вдвоем направились к небольшому залу, подготовленному в деревне, и едва толкнули дверь, как оттуда на них сразу же устремилось несколько встревоженных взглядов. Вэнь Чжияй, Су Цинъя и Гу Юньхао уже ждали внутри — судя по всему, они тоже давным-давно получили новости, и на лицах каждого читалось ожидание и торжественность. Увидев входящих, они тут же поднялись и окружили их.

Хуа Чжао глубоко вздохнула, подавив волнение в груди, и аккуратно развернула тот самый листок со стихами, выпавший из Золотого Замка, положив его прямо посреди деревянного стола.

Изящные и легкие чернила несли в себе неземную чистоту, и четыре строки стихов тихо лежали перед ними:

Цветы пали на мир пыльный — мириады осеней,

В глубине Древнего Ручья узришь исток корней.

Облака рассеет луна, путь к истине маня,

И вернется дух в обитель древнего дня.

— И-и где это находится? — Вэнь Чжияй склонила головку, её круглые глазки были полны любопытства, а пальчик легонько ткнул в бумагу. — Звучит так сказочно, прямо как тайная обитель из легенд.

Су Цинъя обладала мягким нравом и тонким умом; слегка коснувшись пальцем стола, она тихим и подробным голосом произнесла:

— Глубина Древнего Ручья, древняя обитель небес — образы предельно ясны. Должно быть, это секретное священное место, тесно связанное с истоком Богини Цветов, оно скрыто от мира, и о нем мало кто знает.

Гу Юньхао всегда был немногословен и рассудителен, но сейчас он тоже легко кивнул, и его тон звучал уверенно:

— Указания в стихах точны и не допускают двусмысленности. Это и есть истинный путь ветви Богини Цветов.

Цин У молча вглядывался в листок бумаги, с минуту помедлив, и произнес тихим, но необычайно твердым голосом:

— Мне доводилось встречать записи в древних трактатах, глубоко спрятанных в моей школе. Перводанное место наследия Богини Цветов называется Древней Пещерой Духовного Ручья и скрыто в самой глуши Горной Цепи Десяти Тысяч Духов. Там клубятся облака, оно отрезано от мира, и обычным практикам не отыскать вход туда до конца своих дней.

Сердце Хуа Чжао резко дрогнуло, и она бессознательно подняла руку, нежно прижав к груди всё ещё сохранявший тепло Золотой Замок.

Теплое ощущение передалось с ладони, крепко связывая его с её кровью.

Оказывается... это и было то место, куда ей предстояло отправиться.

Тот самый конечный пункт, к которому её вела судьба.

Она также достала написанное от руки письмо наставника и ту самую теплую и прозрачную Яшмовую Подвеску Чистого Духа для Защиты Сердца и, на глазах у всех, тихо зачитала содержание письма вслух.

Слова учителя звучали мягко и уверенно, и каждая строка уже прокладывала дорогу вперед:

Золотой Замок открыт, духовные жилы пробудились;

Место в стихах — твой путь домой;

Техники в разуме применишь лишь в священном месте;

Впереди много опасностей, Цин У рядом, будь спокойна.

Выслушав её, все посерьезнели, а в их глазах прибавилось решимости.

Наставник находился далеко в горных вратах, но казалось, будто он просчитал абсолютно всё и лишь ждал, пока они соберутся в дорогу к Древней Пещере Духовного Ручья.

— Сейчас в моём разуме уже появилось четыре полных раздела техник Богини Цветов, — тихо произнесла Хуа Чжао, и в её голосе слышалось странное благоговение. — Только вот все они сейчас запечатаны, и я не могу воспользоваться ни малейшей их частью. Наставник сказал, что снять печать и начать практику можно будет, лишь когда мы по-настоящему доберемся до Древней Пещеры Духовного Ручья.

— Тогда мы пойдем с тобой!

Вэнь Чжияй тут же выпятила маленькую грудь и прижала к себе дорожную суму с лекарствами, глядя очень серьезной и верной долгу.

Раньше она всегда была совсем одна, без учителей и сект, без какой-либо поддержки, и всему приходилось учиться самой — учиться лишь поверхностно, не стремясь к совершенству, лишь бы выжить.

— Я... я никогда по-настоящему не училась у наставников и не владею сильными техниками, — тихо, но искренне проговорила она. — Зато я немного разбираюсь в травах, умею перевязывать раны и могу сварить самое простое целебное зелье. Пусть я не мастер на все руки, но если в дороге кто-то оступится, ударится или получит мелкую рану, я смогу присмотреть за ним! Еще я умею находить дорогу, разводить огонь и предсказывать погоду, в этом я разбираюсь отлично!

Испугавшись, что окажется недостаточно полезна, она тут же поспешила добавить, а её ушки слегка покраснели:

— Я... хоть я и не сильна, но я обязательно буду послушно следовать за вами и не стану тянуть всех назад!

Су Цинъя легко рассмеялась, и её взгляд был одновременно мягким и непоколебимым:

— Глупышка, с твоим присутствием нам и помощников лучших не надо. Пройдя с нами весь этот путь досюда, ты давно стала незаменимой частью нашей компании, и мы бы никому не позволили оставить тебя в опасности одного.

Гу Юньхао молча кивнул, его обычно суровые черты лица немного смягчились, и он бросил коротко и весомо:

— Идем вместе.

В этот миг все взгляды мягко устремились на Цин У.

Казалось, они ждали самого главного и само собой разумеющегося ответа.

Цин У медленно поднял глаза, и его взгляд проскользнул сквозь толпу, остановившись прямо на Хуа Чжао.

В его глазах плескалась нежность, которую невозможно было растопить, въевшаяся в самую кость забота и непоколебимая одержимость, не сломить которую даже годам.

Он смотрел на неё, отчетливо и весомо произнося каждое слово. Голос его был негромким, но звучал как печать, намертво врезающаяся в человеческие сердца:

— Куда ты — туда и я.

Горы из ножей и моря из огня, Древняя Пещера Духовного Ручья, любые дали.

На этот раз я больше не позволю тебе остаться одной.

Хуа Чжао подняла голову, глядя на него, а затем переводя взгляд на каждое искреннее и решительное лицо рядом, и её нос слегка защипало, а глаза наполнились теплом, в то время как сердце доверху заполнилось жгучим потоком.

Она вдруг отчетливо осознала:

она больше не та одинокая, растерянная и беспомощная девочка.

У неё есть старший братец, который всегда защитит её, есть верные спутники, есть учитель, что даже далеко в горах постоянно думает о ней, и есть Золотой Замок, связанный с ней одной кровью.

Загадка стиха разгадана, путь впереди ясен.

Пришло время попрощаться с этой дарующей покой и взрастившей её древней деревней и отправиться к той обители, что по праву принадлежит Богине Цветов.

В небольшом зале пятеро стояли друг напротив друга, их взгляды переплетались, и больше не требовалось лишних слов.

Весь отряд в сборе, их сердца бьются в унисон.

Новое путешествие вот-вот официально начнется.

Раз загадка разгадана и решение принято, пятеро больше не стали медлить и разошлись по комнатам, чтобы вкратце собрать вещи.

Хуа Чжао взяла лишь пару сменных одежд, плотно прижала к телу подаренную наставником Яшмовую Подвеску Чистого Духа для Защиты Сердца, надежно пристроила у сердца золотой замочек и бережно спрятала исписанный стихами листок. Покончив с приготовлениями, она в последний раз окинула взглядом эту теплую комнатку и тихо притворила за собой дверь.

Цин У уже поджидал её снаружи, собранный и подтянутый, с мечом на поясе, из-за чего выглядел еще более мужественным, чем обычно. Он не стал задавать лишних вопросов, а просто молча встал рядом с ней, своими действиями давая понять: куда бы она ни направилась, он будет рядом.

Когда все пятеро вместе вышли к деревенским вортам, они слегка замерли.

Долгая деревенская дорога была уже до отказа заполнена жителями, пришедшими проводить их.

Старые и молодые, мужчины и женщины — казалось, собралась вся деревня.

Старейшина, опираясь на посох, стоял в самомпередии с торжественным и добрым выражением лица, а стоявшие за ним сельчане держали в руках сухой паек, фрукты, чистые отрезки ткани и сушеные травы, нагруженные доверху — всё самое лучшее, чем они только могли поделиться.

— Госпожа Хуа Чжао, маленький наставник Цин У, мы слышали, что вы уходите. — Старейшина шагнул вперед, с отеческой теплотой глядя на них. — Впереди долгий путь, обязательно берегите себя, главное — безопасность.

Одна из женщин шагнула вперед и сунула в руки Хуа Чжао полотняный мешочек с еще теплыми лепешками, а её глаза покраснели:

— Деточка, ты добрая и хорошая девочка, мы все помним твои благодеяния. Возьми эти лепешки в дорогу, не голодай.

— Будьте осторожны в пути!

— Возвращайтесь живыми и невредимыми!

— Мы будем ждать вас в деревне!

Простые напутствия и искренние пожелания тихо разносились по утреннему ветру.

Никакой суеты, никаких рыданий — лишь переполнявшее всех чувство тоски и тепла.

У Хуа Чжао защемило в носу, и она слегка поклонилась:

— Благодарю всех односельчан за заботу в эти дни, Хуа Чжао сохранит это в сердце.

Вэнь Чжиюй наблюдала за происходящим, и её глаза тоже тихо покраснели. Раньше она всегда скиталась в одиночестве, никто никогда не относился к ней так искренне и уж тем более никто не провожал её в дорогу. Сейчас в её груди было одновременно тепло и щемяще, и она крепче прижала к себе свою сумочку с лекарствами.

Су Цинъя мягко похлопала её по плечу, утешая без слов.

Гу Юньхао стоял рядом с прежним суровым выражением лица, но слегка кивнул, выражая уважение сельчанам.

Цин У чуть развернулся, не привлекая внимания прикрывая Хуа Чжао собой, сложил руки в приветствии перед остальными, и его голос прозвучал уверенно:

— Благодарю всех за заботу, я защищу её и защищу каждого из вас.

Короткая фраза, но весившая не меньше горы.

Старейшина посмотрел на пятерых юношей и девушек и, легко кивнув, произнес глубоким голосом:

— Идите. Ваш путь лежит вдаль.

Но помните — если устанете или измотаетесь, древняя деревня всегда ждет вашего возвращения.

Утренний ветерок пронесся мимо, колыхая одежды путешественников.

Хуа Чжао в последний раз окинула взглядом эту тихую и теплую деревню, глубоко запечатлев это тепло в своем сердце.

— Пойдемте.

Тихо произнесла она, и в её глазах больше не было растерянности — лишь яркий и твердый свет.

Цин У кивнул и зашагал рядом с ней.

Вэнь Чжияй, Су Цинъя и Гу Юньхао последовали за ними.

Все пятеро медленно повернулись и ступили на извилистую горную тропу за пределами деревни.

Позади оставались машущие на прощание сельчане и мирная родная земля;

впереди простирались окутанные туманом горы и неизведанная, но полная надежд даль.

Горная Цепь Десяти Тысяч Духов тянулась грядой за грядой, а Древняя Пещера Духовного Ручья скрывалась в глубине клубящихся облаков.

Наследие Богини Цветов звало за собой, а предначертанный судьбой путь расстился под ногами.

И на этот раз она больше не была одинока.

С ней был преданный старший братец, верные спутники, оберегающий наставник и указывающий дорогу золотой замок.

Дорога впереди долгая, но на ней есть и слава.

Новое путешествие официально началось.

Покинув деревню, отряд к полудню добрался до густого леса на внешних рубежах Горной Цепи Десяти Тысяч Духов.

Деревья поднимались до небес, закрывая солнце, крики птиц стихли, а в воздухе сгустилась тягостная зловещая аура.

Хуа Чжао инстинктивно прижала ладонь к замку на груди и слегка нахмурилась:

— Кажется... здесь что-то не так.

Цин У тут же остановился, преградив ей путь, его меч на мгновение выскользнул из ножен на полдюйма, а взгляд стал ледяным:

— Осторожно, нас кто-то преследует.

Его голос еще не затих —

Вж-ж-жух!

Несколько черных ядовитых игл со свистом рассекли воздух, целясь прямо в лицо Хуа Чжао!

— Хуа Чжао!

Взгляд Цин У помрачнел, его фигура молнией метнулась вперед. Широким взмахом рукава он взвихрил духовную энергию, и иглы со звоном попадали на землю.

В следующее мгновение из кустов выскочили несколько фигур с черными повязками на лицах. От них исходила злобная аура, и с первого взгляда было ясно, что они явились за Золотым Замком Богини Цветов.

— Они идут за замком! — крикнул Гу Юньхао и, обнажив меч, встал перед Су Цинъя.

Вэнь Чжияй испуганно вжалась в плечи, но всё же крепко сжала свой мешочек с лекарствами и пискнула:

— У... у меня есть порошок! Пусть его действие не слишком сильно, но помешать им он сможет!

Главарь в черном зловеще ухмыльнулся:

— Отдайте реликвию Богини Цветов, и останетесь в живых!

Цин У заслонил Хуа Чжао спиной, холод вокруг него взметнулся с новой силой, и он выговаривал каждое слово холодно, как лезвие меча:

— Посмеете тронуть её — сначала переступите через мой труп.

[Мысли Цин У: Тот, кто посмертно ранит её хоть на волос, познает вечные муки.]

Бой начался мгновенно.

Гу Юньхао атаковал первым, его владение мечом было резким и свирепым, каждый удар метил в уязвимые точки.

Обычно он хранил молчание, но стоило ему прийти в движение, как он превращался в обнаженный меч, а его аура поражала воображение.

Су Цинъя хоть и была хрупкой девушкой, но ни капли не испугалась. На кончиках её пальцев вспыхнула слабая духовная энергия, сочетающая мягкость с жесткостью — она нападала исключительно на бреши в обороне противника.

Они атаковали и защищались слаженно до предела.

Боясь, что ее застанут врасплох, Гу Юньхао умышленно не отходил от ее левого бока ни на шаг;

а Су Цинъя, опасаясь, что он выбется из сил, время от времени тихо подсказывала:

— Левый тыл!

— Остерегайся скрытого оружия!

В подобных обмене ударами взглядах не было нужды в словах — они и так понимали намерения друг друга.

Вэнь Чжияй со стороны прикрывала рот рукой и тихонько хихикала:

— Ой... как же они подходят друг другу.

Хуа Чжао тоже почувствовала, как на душе теплеет, но поскольку сейчас она не могла применять техники, ей оставалось лишь крепко сжимать Яшмовую Подвеску Чистого Духа для Защиты Сердца, подаренную наставником, и встревоженно произнести:

— Старший братец, я тоже хочу вам помочь!

— Стоять за моей спиной — значит помогать мне.

Цин У даже не обернулся, но его голос звучал так твердо, что это приносило успокоение:

— Я никому не позволю приблизиться к тебе.

Его меч взлетел из ножен, сверкнул холодной вспышкой, и потоки ци разметали двоих нападавших в разные стороны.

Его приемы были беспощадными, а стремление оградить свое сокровище — неприкрытым и откровенным.

Каждое движение меча очерчивало вокруг Хуа Чжао зону абсолютной безопасности, наглухо укрывая ее в самом центре.

Вэнь Чжияй тоже набралась смежности и швырнула в разгар схватки свой мешочек с порошком.

Раздался хлопок, и дым рассеялся.

Пусть отравя действовала не слишком мощно, но нападавшие зашлись в кашле, а их ряды полностью смешались.

Она тихонько ободрила себя:

— Я... я тоже оказалась полезна... я не тяну всех назад!

Не прошло и полчаса, как несколько людей в черном были полностью разбиты.

Главарь, поняв, что дело приняло дурной оборот, злобно оскалился и бросил на Хуа Чжао яростный взгляд:

— Мы еще вернемся!

После чего он растворился в чаще леса и исчез.

В чаще вновь воцарилась тишина.

Вэнь Чжияй шумно выдохнула, ее бледное личико слегка порозовело, но она всё же гордо похлопала себя по дорожной суме:

— Я... я была невероятно храброй!

Су Цинъя улыбнулась и протянула руку, чтобы поправить растрепавшиеся волосы девочки:

— Да, наша малышка Юй самая храбрая.

Гу Юньхао убрал меч и сразу же повернулся к Су Цинъя. Слегка нахмурившись, он понизил голос:

— Ты не ранена?

Су Цинъя покачала головой, а в ее глазах заискрилась легкая улыбка:

— Я в порядке, а вот тебе впопыхах зацепило плечо.

С этими словами она привычным движением стряхнула пыль с его одежды.

Кончики ушей Гу Юньхао слегка покраснели, он стоял не шевелясь и даже не пытался увернуться.

А Цин У тут же развернулся и быстрым шагом подошел к Хуа Чжао. Окинув ее взглядом с ног до головы, он заговорил голосом, в котором сквозила скрытая паника:

— Ты не испугалась? Нигде не задело?

Глядя на его обеспокоенное лицо, Хуа Чжао почувствовала, как сердце смягчилось. Она отрицательно покачала головой и подняла на него лицо, озарив спокойной улыбкой:

— Я в порядке, старший братец защищал меня всю дорогу.

Уткнувшись взглядом в ее невредимое личико, Цин У немного расслабил напряженные плечи.

Он протянул руку и аккуратно завел за ее ухо растрепанную ветром прядь волос, его пальцы были горячими, а голос — хриплым и глухим:

— С этого момента я больше не позволю тебе столкнуться ни с какой опасностью.

Солнечные лучи пробились сквозь листву и пали на них двоих, наполняя всё вокруг теплом.

Маленькая засада,

краткое мгновение защиты

и чувства двух пар сердец, исподволь набиравшие силу.

Истинные опасности Горной Цепи Десяти Тысяч Духов только начинали заявлять о себе.

А их история с этого самого момента официально вступала в бурный и непредсказуемый водоворот событий.

<http://bllate.org/book/20121/1989479>